

У Цзянь Чжэня сила была смешная — по меркам тех, кто прожил десятки миллионов лет, он был всего лишь травинкой, едва успевшей пройти не полный сотенный цикл. Естественно, разглядеть истинные облики остальных или оценить их уровень он никак не мог.

Мозун Дажен, однако, произнёс ту фразу — и замолчал, словно отрезал.

Раз в сто лет демоний род устраивал великое торжество. В главный зал непрерывным потоком стекались гости: представители всех рас трёх миров, ближних и дальних, присылали послов с поздравлениями. Люди приходили и уходили, толпа не редела ни на миг.

Цзянь Чжэнь даже успел заметить кое-каких «старых знакомых».

В этот момент к трону медленно подошёл мужчина в лиловой даосской одежде, отороченной золотой нитью. Он сложил руки и склонил голову:

— Линь Цань, владыка скрытого пика Сюэ из клана бессмертных, приветствует магического повелителя. На этот великий праздник я послан с дарами. Да пребудет дружба между демонами и бессмертными крепкой и долгой.

Линь Цань.

Цзянь Чжэнь вытянулся, выглянул наружу и с удивлением понял: он ведь этого человека знает.

Холодная ладонь Дажэна опустилась на мягкий молодой листок травяной головки. Он лениво погладил его и негромко, так что слышали только они двое, проговорил:

— Видишь внизу того человека? Ученика Сянь Хуана.

Цзянь Чжэнь энергично кивнул. Видит, конечно!

На губах Дажэна скользнула насмешливая улыбка:

— Лучший ученик Повелителя Бессмертных... Балует своих подопечных, позволяет им практиковать запретные техники. Тёмный — точно такой же, как тот твой любимый «рогатый» древесный дух.

Цзянь Чжэнь: ?!

Запретные техники?

Если бы Сянь Хуан это узнал — да он бы от ярости на месте окостенел!

Стоп... подожди... что?

Так кто же этот древесный дух в нефритовой короне?

И когда это он... успел влюбиться в него?

Маленькому зеленому духу свалилось на голову слишком много информации разом — он даже не успел как следует всё воспринять. Он только собрался подумать, что к чему, как снаружи появился новый посланник, и глашатай громко возгласил:

— Прибыл второй принц Призрачных земель, Чэнь Фэйтай!

В зал медленно вошёл бледный, почти болезненно хрупкий учёный в белых одеяниях — вид у него был такой, словно его и правда мог повалить самый лёгкий ветерок.

Чэнь Фэйтай остановился у подножия трона, поднял руку в почтительном поклоне и, кашляя на каждом слове, произнёс:

— Второй... кх-кх... принц призрачного клана приветствует Мозуна Дажэна. Желаю миру демонов... кх-кх!... всё большего процветания. Я... кх!... принёс скромные дары, надеюсь, Мозун Дажэн не сочтёт их недостойными.

После обменялись положенными любезностями.

Цзянь Чжэнь, сидящий в ладони Мозуна Дажэна, с легким трепетом подумал, что этот принц выглядит жутко болезненным. Прямо жалость берёт.

Но сверху в его уши упал спокойный голос Мозуна Дажэна:

— Чэнь Фэйтай, второй принц призрачного клана. Однако за последние годы все его братья, кто когда-либо издевался над его слабостью, умерли... случайно. И все — ужасной смертью.

Только что сочувствовавший маленький дух вздрогнул так, что его листочки затрепетали.

В красных глазах Мозуна Дажэна мелькнула холодная усмешка. Он чуть изогнул губы, глядя на растерянный росточек:

— Всё ещё кажется тебе жалким?

Цзянь Чжэнь быстро замотал головой.

Но поражало его не только то, какие эти люди двуличные...

Гораздо больше — как Мозун Дажэн, который обычно выглядит ленивым и безразличным ко всему, точно знает всё и обо всех в трёх мирах!

Будто прочитав его мысли, Владыка Демонов, сидящий на своём троне, негромко продолжил:

— Интересно, почему я, зная всё это, всё же сижу здесь и принимаю их?

Цзянь Чжэнь послушно кивнул, тёрся о его ладонь и смотрел на него с горящим интересом.

Любопытно, очень любопытно!

Ну говори же!

Маленький дух покачивался, как игривый щенок, и весь смотрел на него снизу вверх, полон доверия и ожидания.

Гости внизу видели только величественного правителя демонов на троне. В утреннем свете, льющемся из-за окон, Мозун Дажэн казался недосягаемым. Его красные глаза — прекрасные и опасные — хранили лёгкую, почти ленивую улыбку. Тяжёлые тёмные одеяния подчёркивали власть, от которой хотелось опустить взгляд. Даже когда он улыбался, страх перед ним рождался сам собой. Красота и опасность — идеальное сочетание.

На троне.

Под взглядом маленького духа Мозун Дажэн заговорил негромко:

— Потому что я — правитель демонов. А они — будущие враги демонов.

Это был первый раз...

Когда Цзянь Чжэнь увидел в его глазах не ленивую сонную мягкость, а истинное — острое, безжалостное — величие властителя, тонкую, хищную амбицию:

— Чтобы победить врага, нужно сначала узнать его.

Солнце палило ярко, гости всё так же шумно перемещались по залу, и огромный светлый чертог сиял чистотой и блеском.

Но Цзянь Чжэнь вдруг почувствовал холодок пробегающий по спине.

Мозун Дажэн слегка улыбнулся, вновь становясь таким, каким он был обычно, и игриво ткнул его пальцем, сказав:

— Но этот способ к тебе не подходит. Тебе просто нужно пореже с ними общаться.

Маленький травяной дух очнулся, недоумённо уставившись на него. Почему к нему — не подходит?

— Потому что... — Мозун Дажэн приподнял бровь, а в его глазах отразился крошечный силуэт травки. — Для тебя уже счастье — если тебя не обманут.

Цзянь Чжэнь:

«...»

Большой злодей!

Еще чуть-чуть — и трава тоже кусаться начнёт, поверишь или нет!!

Праздник во дворце был шумным, народ приходил и уходил бесконечной чередой. Весело — да, но вскоре Цзянь Чжэню всё это наскучило. Тогда Мозун Дажэн велел Янь Цзи отвести его в задний зал для отдыха. Это боковое крыло было тихим; за окнами открывался вид на крупнейшую реку Могоры, пересекающую весь Демонический мир. Пейзаж был поистине великолепен.

Цзянь Чжэнь устроился на широком подоконнике, глядя на берег.

И вдруг...

Из-под свеса крыши донёлся чей-то голос:

— Ты чей такой духовный питомец? С такой низкой духовной силой... меньше сотни лет — и не стыдно хозяина позорить?

Цзянь Чжэнь застыл. Он так давно не слышал, чтобы к нему обращались незнакомцы, что сперва даже не понял, что это сказали ему.

— Я с тобой говорю! Ну и тупень же ты. — На перилах сидела алая дух-птица, красный линг-ниао, глядя на него с отчётливым презрением. — Я — красный феникс, любимец старшего принца Яозу. Ты наверняка никогда не видел таких благородных птиц, как я.

Цзянь Чжэнь был в своей духовной форме и говорить не мог.

Красная линг-птица заметила это и, зашебетав насмешливо, добавила:

— И говорить не умеешь? Ты что, местная травинка из Могоры? Неудивительно, что такая тупая.

Тихий, обычно безмятежный травяной дух на подоконнике ощутил, как внутри вскипает злость.

Говорить, что у него слабая духовная сила — ладно.

Но тупым он вовсе не был!

Маленький зелёный комочек возмущённо подпрыгнул, надувшись от обиды.

Красная линг-птица увидела это, фыркнула и процедила:

— Я ведь не соврал. Только после появления Мозун Дажэна всё изменилось. Но он же — кровожадный, бездумно убивающий демон, великий злодей. И вы, магорцы, такие же — низкорождённые и тупоголовые.

Маленький комочек на подоконнике задрожал, дыша всё чаще.

Из-за своей природы — он всё-таки маленькая травка — Цзянь Чжэнь по натуре был спокойным и редко когда по-настоящему сердился. Но сейчас... он сам не понимал, почему слова этой птицы так жгут. Это была не обычная обида — а словно всё его крошечное тело наполнял обжигающий огонь.

Красная линг-птица испуганно отпрянула и пробормотала:

— Я... я же не соврал! Чего ты на меня тарацишься, жалкая травинка?! Я что, неправ... Будешь на меня так смотреть — я тебя съем...

Цзянь Чжэнь не мог говорить, и от этого так рассердился, что аж слёзы навернулись. Он тяжело задышал, спрыгнул с подоконника и — от ярости — выдал неожиданно звонкий, мягкий, но твёрдый голос:

— Он совсем не злодей! Это ты — гадкая птица!!

Красная линг-птица оцепенела, не понимая, как духовное существо, едва достигшее сотни лет, вдруг оказалось способно говорить.

Окаменел и сам Цзянь Чжэнь.

Только что этот всплеск ярости будто взметнул всю духовную силу в его крови — огонь прошёлся по телу от корней до кончиков листьев. Он использовал все силы, прорвавшись силой эмоций, и после выкрикнутых слов вдруг почувствовал, что ноги больше не держат. Он пошатнулся — вот-вот упадёт...

И тут его подхватили.

Чёрные одеяния прочертили в воздухе плавную дугу. Цзянь Чжэнь ощутил знакомую ауру; голос Мозун Дажэна прозвучал над самым ухом — низкий, ленивый, но со сталью внутри:

— Стоит мне на миг отвернуться, и ты уже успел обрести себе такой жалкий вид?

Птица, которая в ужасе попыталась улететь, взвила в воздух — но в следующую секунду её оплели алые нити огня. Во вспышке пламени от гордой птицы не осталось даже золы.

Цзянь Чжэнь, измотанный, попытался поднять голову.

Пальцы Мозун Дажэна холодно коснулись его, будто сдерживая. В его обычно отстранённом голосе прозвучало что-то новое — тихое, мягкое, почти убаюкивающее:

— Спи.

И сон захлестнул его мгновенно — глубокий, как омут.

Последствия самовольного выброса духовной силы и ссоры были серьёзными: маленькая травка спала куда дольше обычного. Но сильнее всего Цзянь Чжэня потрясло другое: проснувшись, он увидел неподалёку Верховного Жреца с кувшином лекарства в руках.

Покои Магорского дворца всегда отличались тишиной.

Мозун Дажэн сидел у письменного стола, в лучах солнца.

Он спросил:

— Это и есть то самое лекарство?

Верховный Жрец кивнул:

— Да, Владыка. Я исследовал причину повреждения травинки: она была ранена из-за того, что, разозлившись, насильно разогнала духовную силу, из-за чего пострадали её меридианы. Я потратил несколько дней, перерыл древние свитки и наконец нашёл способ восстановления. Из сотни редких ингредиентов я сварил это лекарственное зелье. Если ежедневно поливать её, она полностью восстановится.

На подоконнике веточки Цзянь Чжэня дёрнулись.

Что? Будучи травой — ещё и лекарство пить?!

Мозун Дажэн произнёс:

— Поблагодарю, Верховный Жрец. Оставь здесь. Я сам буду ей его давать.

Жрец поднял руку — кувшин мягко завертелся в воздухе и плавно опустился на стол перед Мозун Дажэном. Затем тот пояснил:

— Лекарство следует применять тёплым: пролить по листьям и в почву, чтобы оно прошло по меридианам небесной травы. Тогда будет эффект.

Мозун Дажэн лишь слегка кивнул.

После этого Верховный Жрец, исполнив всё, что должен был, развернулся и ушёл.

Когда он ушёл, Мозун Дажэн медленно открыл крышку кувшина. Стоило приподнять её — изнутри вырвался густой, ударный аромат горечи. Чёрная вязкая целебная смесь испускала такой тяжёлый запах, что воздух будто потемнел.

Цзянь Чжэнь, от природы терпеть не способный горькое:

?!!!

Его маленькие листочки от ужаса сами собой свернулись в трубочку.

Несколько сотен лет назад, когда он ещё не был травой, он был слабым ребёнком, вечно болел, проводил годы в больницах — и больше всего на свете ненавидел... лекарства.

Кто бы мог подумать, что жизнь у травы и так нелёгкая — а став травой, ей ещё и лекарство придётся пить?

Маленькая травка на подоконнике жалобно сложила листочки, всем своим видом выражая твёрдое «нет».

Мозун Дажэн поднял кувшин с зельем, бросив в её сторону холодный взгляд:

— Насколько я помню... тебе уже сто лет.

Травинка прижала листочки к себе — не слышу, не слышу!

— Сын Верховного Жреца ещё в десять лет перестал бояться лекарств, — продолжил Мозун Дажэн, подходя ближе с кувшином. Его красные глаза опустились на неё. — А ты?

Травинка сжалась ещё сильнее.

Мозун Дажэн приподнял бровь:

— Слышал, что в Южном море нефритовая роса самая сладкая. Думаю, не послать ли Янь Цзи за ней...

Сжавшиеся листочки на миг дрогнули. Похоже, травка задумалась. Потом медленно расправила листочки и даже радостно ими повела — любительница сладкой нефритовой росы всячески показывала своё услужливое, почти преданное желание сотрудничать.

Мозун Дажэн опустил руку, проливая на неё лекарство, приготовленное Верховным Жрецом.

Чернильно-чёрный, до ужаса горький отвар хлынул сверху, пропитывая веточки и листочки насквозь. Горечь накрыла всю траву целиком — Цзянь Чжэнь аж задрожал всем телом и едва не расплакался!

И в тот же миг...

Будто мир вокруг на секунду притих.

Подёргав листья в агонии, Цзянь Чжэнь медленно приподнял веточку — и увидел...

Стоящий у окна Мозун Дажэн — прекрасный, словно выточенный из нефрита. На его бровях, ресницах, а даже на тонких губах блестели капли горького зелья. Тот, кого боялись во всём Трёх Миров, великий Бог Демонов — на его лице теперь была горечь, которую на него стряхнула какая-то маленькая травинка. Но даже так... даже в этом нелепом виде он оставался слишком прекрасным, чтобы выглядеть неловко.

Напротив .

Под взглядом перепуганной травинки Мозун Дажэн поднял глаза. Его красные зрачки сверкнули, а тёмные капли, стекающие по щеке, были пугающе похожи на кровь в том самом сне. И в этом был какой-то опасный, дрожащий от напряжения магнетизм.

— Не бойся, — спокойно сказал он. — Я на тебя не сержусь.

Тук.

Он поставил кувшин.

Цзянь Чжэнь облегчённо выдохнул.

Длинные, белые как нефрит пальцы Мозун Дажэна были спокойны и ровны. На его губах появилась легкая улыбка — в глазах травинки она выглядела ужасающе недоброй.

Он медленно произнёс:

— За это... мы с тобой рассчитаемся, когда ты переродишься в человеческом обличье.

«...»

<http://bllate.org/book/12641/1121217>